

турную отличительность, высокий уровень самосознания и социальной мобилизации, межпоколенную память об исторических несправедливостях, включая преступления этноцида и лишения государственности. В отличие от Центра, где на уровне высшего руководства и в политической риторике парламентариев основной целью перестройки признается коренная демократизация общества и улучшение социальных условий существования его граждан, на уровне республик и автономий этот процесс приобрел другой приоритет — борьба за суверенитет, государственную независимость, экономическую самостоятельность, сохранение языка и культурной самобытности и т. н. «коренных наций».

Этот процесс оказался далеко не тождествен процессу общегражданской демократизации, ибо его определяющим моментом стал национализм в форме идеи самоопределения и создания «собственного» государства одной из этнических групп (пусть даже численно и культурно доминирующей), проживающей в многонациональных территориально-административных образованиях СССР. Сначала по лицемерию, а затем по близорукости и невежеству архитекторы старых и новых конституционных устройств называли и продолжают называть эти образования «национальными государствами».

Поборники этнического национализма, как наиболее понятной и близкой для слабо модернизованных масс основы коллективного действия, в конечном итоге перехватили инициативу общественных преобразований. Выборы 1990 г. не только покончили с монополией одной партии на власть и подорвали безграничные полномочия Центра, но привели к власти новые силы — этническую элиту титульных национальностей, провозгласивших свои собственные программы и лозунги. Эти программы находят широкую поддержку у населения республик и обладают огромной мобилизующей силой, в том числе и для процессов социального переустройства и демократизации. Но, как часто бывало в истории, национализм заключает в себе и деструктивные начала, порождает конфликты и насилие, ведет гражданское общество в трагические тупики. Это происходит, когда элита доминирующей группы ограничивает понятие «нации» и государственности исключительной прерогативой этой группы, когда для реализации мифотворческой «национальной идеи» сотни тысяч людей втягиваются в неразрешимые конфликты, когда право на гражданство собираются толковать не как право свободного выбора личности, а как дар за патриотизм и «служение нации». Все это уже есть на политической арене СССР и грозит сменить один гигантский трагический эксперимент пятнадцатью новыми далеко не мини-трагедиями.

© 1991 г. СЭ, № 3

В. И. К о з л о в

ЭТНОС И ХОЗРАСЧЕТ

(к проблеме национализма в СССР)

Три группы проблем — экономических, национальных, экологических, — обострившихся в годы перестройки и не только осложнивших ее предполагаемое ранее развитие, но и угрожающих самому существованию советского общества, в околонучной публицистической литературе, да и в научных работах, обычно рассматриваются независимо друг от друга, хотя между ними имеется

много явных и скрытых связей и «перекрытий». Это относится как к национальным и экологическим проблемам, связи между которыми целесообразно рассмотреть в специальной статье, так и к национальным и экономическим проблемам, связи между которыми стали предметом дискуссии на страницах «Советской этнографии»¹. Напомню, что вначале эта дискуссия развернулась в журнале «Коммунист», где была опубликована статья В. Коротеевой, Л. Перепелкина и О. Шкаратана «От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик» (1988, № 15), в которой проводилась мысль о закономерности и экономической потребности развития суверенно-сепаратистских движений в союзных республиках и их полезности для нормального воспроизводства этносов. В последовавших за нею статьях В. Тишкова «Народы и государства» (1989, № 1) и особенно С. Четко «Экономический суверенитет и национальный вопрос» (1989, № 2) эта отнюдь не бесспорная идея подверглась критическому анализу. Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан продолжили начавшуюся дискуссию в более пространной статье «Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)» (Сов. этнография. 1989, № 4), за которой последовали обстоятельная статья С. В. Чешко «Антитезисы к тезисам» и сравнительно короткий ответ на нее Л. С. Перепелкина «Возвращаясь к напечатанному» (Сов. этнография. 1990, № 4). Отмечу также статью С. А. Арутюнова «Об этнокультурном воспроизводстве в республиках» (Сов. этнография. 1990, № 5), автор которой, насколько можно понять², разделяет основные выводы Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана.

Проблематика, поднятая в названных статьях, чрезвычайно актуальна и важна как в теоретическом, так и в практическо-политическом отношениях. Эта оценка не может быть нарушена даже медлительностью дискуссии, обусловленной длительными перерывами между очередными публикациями: можно утверждать, что актуальность и важность обсуждаемых вопросов сохранится еще в течение длительного времени. Это обстоятельство, а также тот факт, что данная проблематика уже разрабатывалась мною в прошлом³, побудили меня к участию в развернувшейся дискуссии. Мои воззрения на соотношение этноса и экономики, этнической и экономической общности, изложенные около 20 лет назад, не претерпели существенных изменений, а потому скажу сразу же, что намерен уделить основное внимание, как и С. В. Чешко, критическому анализу идеи о существовании якобы органической связи между этими общностями, число сторонников которой в дискуссии странным образом сократилось с трех до одного Л. С. Перепелкина. Меня настораживает резкий тон «ответа» Л. С. Перепелкина, вроде того, например, что «в рассуждениях С. В. Чешко, касающихся форм государственного устройства, я также (!) не нашел ничего, кроме словесной эквилибристики (!) и набора трюизмов (!)» (с. 29). Но надеюсь, что в будущем Л. С. Перепелкин не станет допускать таких «неакадемических» выражений.

Важность и актуальность развернувшейся дискуссии обусловлены тем, что за ней стоит почти никем не предвиденный еще 5 лет назад, а ныне представляющийся многим уже неотвратимым развал Советского Союза, как изначально противоречивого по своей унитарно-федеративной сути государства. В условиях пока неудавшейся экономической перестройки, которую философ и писатель А. Зиновьев метко назвал «катастройкой», союзные республики, официально считающиеся «суверенными государствами в составе суверенного государства», стали реализовывать свой суверенитет, очевидно, надеясь таким образом не только спасти свои хозяйства от окончательного хаоса и упадка, но и укрепить жизнеспособность «титულных» наций. В настоящее время уже отчетливо видна тенденция некоторых республик к полному государственному суверенитету с введением не только своего гражданства, своей валюты и таможенно-государственной границы, но и своих воинских частей для охраны этой границы, а также полицейских частей для поддержания внутреннего порядка; другие

республики выступают за фактический суверенитет с созданием конфедерации, но ее сущность и контуры пока неясны. Вот именно этим тенденциям Л. С. Перепелкин с соавторами (в дальнейшем речь пойдет главным образом о его статье с О. И. Шкаратаном) и пытаются дать теоретическое обоснование. Самим себе они явно представляются «радикалами», а своих оппонентов мыслят «консерваторами», «сторонниками жесткого централизма», восходящего к сталинизму. Суть проблемы от этого не проясняется, потому перехожу к фактам.

Вначале тенденции сепаратизма проявились в полную силу в республиках Прибалтики, включенных в Советский Союз в 1940 г. недемократическим путем, в том числе в Эстонии, которую авторы наиболее часто используют в своей аргументации как пример негативных последствий «унитаризма». Сравнивая Эстонию с Финляндией, которая когда-то по уровню своего социально-экономического развития даже несколько уступала буржуазной Эстонии, а затем благодаря сохранению своего политического и экономического суверенитета по многим показателям «серьезно опередила» Эстонию, Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан пишут, что «в сознании жителей Эстонии закономерно возникло и существует представление о том, что не все потенциальные возможности этой маленькой республики реализовались, что, сложись судьба этой земли в до- и послевоенное время иначе, итог был бы другим» (с. 43). Из этих рассуждений напрашивается и делается вывод о неэффективности унитаристской экономической системы, о том, что стремление к экономической автаркии «субъектов хозяйствования (т. е. республик.— В. К.) — неизбежное следствие унитаризма, расплата (!) за отсутствие самостоятельности» (с. 43—44), а, следовательно, регионально-республиканская экономическая самостоятельность и сепарация должны всячески поддерживаться.

Факты — упрямая вещь, и я не собираюсь оспаривать приводимые авторами в специальной табл. 3 сведения о том, что по некоторым важным показателям Эстония отстает от Финляндии. Впрочем, из той же таблицы следует, что некоторые показатели оказались в Эстонии выше, чем средние по СССР, а по урожайности зерновых и бобовых — важнейшему показателю сельскохозяйственного развития — Эстония в 1,5 раза превзошла Финляндию; можно было бы привести и другие данные, свидетельствующие о том, что в составе большого унитарно-федеративного Советского государства жителям Эстонии было не так уж плохо. Конечно, людям свойственно мечтать о том, «как хорошо было бы, если бы...», но специалистам следовало бы учесть, что в столкновении таких титанов, как нацистская Германия и Советский Союз, сменившемся после войны конфронтацией Советского Союза с бывшими союзниками, у маленькой Эстонии не было никаких шансов сохранить прежний суверенитет: если бы она не была включена в СССР в 1940 г., то она была бы все равно оккупирована гитлеровцами в 1941 г., а после освобождения ее в 1944 г. была бы либо включена в состав СССР, либо превратилась бы в его сателлита с просталинским режимом, как это произошло со всеми другими освобожденными советскими войсками странами Восточной Европы. Формальное сохранение Польшей, Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Румынией политического суверенитета с членством в ООН и более реального экономического суверенитета со своей денежной системой, таможенными границами и прочими атрибутами (чего добиваются эстонские сепаратисты) не очень способствовало их социально-экономическому развитию. А отсюда следуют два вопроса: 1) что же было основной причиной отставания Эстонии от Финляндии — присоединение ее к более мощному государству с унитарно-федеративной экономикой или социально-политический строй этого государства, влияющий на организацию хозяйственной жизни, и 2) насколько правильна установка на то, что при политической сепарации республиканской части прежде единого народнохозяйственного комплекса страны удастся легче «перестроиться» и поднять свое благосостояние, чем оставаясь в границах этого «перестраивающегося» государства? Повременю пока с ответом на эти важные вопросы, по существу

обойденные (особенно первый) вниманием участников дискуссии, и перейду к другому аспекту рассматриваемой проблемы.

Аргументация за республиканский сепаратизм со стороны его якобы очевидных экономических «выгод» дополняется и усиливается аргументацией со стороны его «выгод» для существования и развития «титulyных» республиканских наций. Последняя ведется с позиций национальной (этнической) парадигмы, сущность которой состоит в том, что жизнь человеческого общества и составляющих его людей мыслится преимущественно в национальных (этнических) формах; каждая национальная (этническая) общность с ее языково-культурными и другими особенностями представляется чем-то вроде биологического вида, исчезновение которого обедняет генофонд Земли (в данном случае культурный «генофонд» человечества), поэтому сохранение специфики такой общности должно обеспечиваться всеми возможными средствами. Лучшим из них обычно считается обособление народа в границах своей государственности при ограничении контактов с иноэтническими группами, порицание этнически смешанных браков и т. д. Применительно к Советскому Союзу решение национального вопроса в духе такой парадигмы мыслится путем превращения национальных республик и областей в своего рода этнокультурные заповедники, а национальной политики — в комплекс мер по охране и воспроизводству в них национального языка и культуры.

От национальной (этнической) парадигмы, широкое распространение которой обусловлено приобретенным в детстве этноцентризмом, идут пути к концепциям национализма — шовинизма «титulyных» республиканских наций, к утверждениям, что каждая республика создана для соответствующей нации, что эта нация является на всей ее территории хозяйкой и имеет право на различные привилегии по сравнению с иноэтническими группами, а если кому-то это не по душе, то они могут уехать в «свою» республику (если таковая имеется) и пользоваться там правами «хозяев»⁴. Такие концепции сформировались еще в доперестроечный «застойный» период, когда некоторые республики превратились в своего рода удельные княжества под властью местных владык типа Рашидова, но обрели гласность главным образом в связи с демократизацией жизни советского общества. Так, лидеры возникших в Эстонии и Латвии «народных фронтов» (а в Литве — «Саюдис») открыто связывают отсутствие должной суверенности республик в составе Советского Союза с развитием миграций на их территорию иноэтнических групп, преимущественно русских, с распространением там русского языка, национально-смешанных браков, интернациональных элементов общесоветской культуры и соответственно стеснением национального языка, культуры, с ослаблением якобы жизнеспособности «титulyных» наций. Раздались открытые призывы к тому, чтобы русские «оккупанты» убрались восвояси на свою территорию, и под влиянием «народных фронтов» были приняты законы, фактически способствующие выталкиванию русскоязычных групп, в частности закон о придании языку «титulyных» наций статуса «государственного» (т. е. обязательного для изучения и использования всеми жителями соответствующей республики), законы, ущемляющие избирательные права таких групп, и др.

Пытаясь отстаивать свои гражданские права, русскоязычные группы и другие этнические меньшинства стали организовываться в «интерфронты», апеллировать к своим соплеменникам, живущим за пределами республик Прибалтики, устраивать забастовки, а в районах, где они составляют большинство жителей, оказывать прямое неповиновение республиканскому правительству. Среди них возникло опасение, что их положение может ухудшиться, в случае, если республики добьются полного суверенитета, отгородятся подлинно государственной границей и введут в действие свои войска и полицейские силы. Поэтому они выступили против выхода республик из Советского Союза, получили поддержку со стороны Центра, но еще больше испортили отношения с титульными нациями.

Явления республиканского национализма находят в статье Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана более «аккуратную», чем экономический сепаратизм, но вполне определенную поддержку, заключающуюся в идее о прогрессивности обеспечения этнического воспроизводства этническим, так сказать, хозрасчетом. Они пишут о том, что «воспроизводство этничности» нуждается не только в наличии этнической территории, но и в ее государственном оформлении. Сравнивая Эстонскую ССР с Нижегородской областью, русским жителям которой, по справедливому замечанию их оппонентов, также необходимо воспроизводить свою национальную культуру, они заявляют: «Горьковская область — часть России, а Эстония — не часть, а этническая целостность (?)» (с. 33), и, следовательно, эстонцы в пределах этой республики имеют больше прав на сохранение и развитие их этничности, чем русские в указанной области, а тем более русские в самой Эстонии.

Очень четко такая же мысль проводится в статье С. А. Арутюнова, который пишет: «На территории Грузии живут... русские, армяне, азербайджанцы и другие национальные группы. Но если у русских уроженцев Грузии помимо их родины в Грузии есть еще и Россия, а у армян — Армения, то у грузинской нации и грузинского этника для своего этнокультурного воспроизводства есть только Грузия... И совершенно справедливо будет, если основная, преобладающая часть бюджета, предназначенного для культуры, будет направлена на развитие грузинского языка, грузинской школы, грузинской прессы, грузинского театра и т. д. И точно так же на развитие абхазской культуры в Абхазии должна расходоваться большая доля ресурсов, чем на культурное развитие проживающих в ней грузин, армян, греков, русских» (указ. раб., с. 26). И так, Эстония — для эстонцев, Грузия — для грузин, Абхазия — для абхазов и т. д. и т. п. На первый взгляд все это кажется логичным и даже «демократичным», но опять-таки повременим с выводом.

Тенденции сепаратного развития Эстонии и некоторых других советских республик, по мнению Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана, отвечают глобальным закономерностям развития всего человеческого общества. Они пишут: «Если этносы — саморазвивающиеся единицы человечества, опирающиеся в своем развитии на специфическую ресурсную базу (ресурсы этнической территории.— В. К.), то общий прогресс человечества зависит от того, как организовано взаимодействие между ними. Взаимоотношения между национальными экономическими комплексами подчиняются одной мировой тенденции — их всевозрастающей специализации и углублению международного (всемирного) разделения труда (дается ссылка на учебник политэкономии. В. К.). Отсюда следует, что конституирование национальных экономических комплексов, их суверенитет и опора на собственные уникальные ресурсы, их специализация — неперемнное условие экономического прогресса как в мировом масштабе, так и в рамках многонациональных государств» (с. 42). Далее следует пример Бельгии, «где основные функции управления постепенно с 1971 г. передаются национальным регионам» (с. 44).

Заканчивая свою статью, Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан намекают, что «ленинские федералистские принципы хозяйственного строения Союза» учитывали якобы такую глобальную закономерность, говорят, что сталинизм их нарушил и создал «унитарное государство с бюрократически-нейтралистской системой управления экономикой» и что теперь «появился великий шанс выйти из тупика» (с. 45). «Говоря о воссоздании союзнических принципов построения нашего государства, мы должны понимать, что речь идет о демократически-революционном, антибюрократическом варианте перестройки национальных отношений. Третьего не дано. Или — или. Или с бюрократами во всем „медленным шагом, робким зигзагом“, или с передовыми силами общества динамично и решительно к новым отношениям действительно социалистического и гуманного типа» (с. 46).

Последние слова статьи Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана прямо

призывают их оппонентов открыто определиться — с кем они: с бюрократами-управленцами, связанными со сталинской унитаристской системой «казарменного социализма», или с «передовыми силами общества», стремящимися, по словам авторов, к возрождению в экономике суверенитета «национальных комплексов», к построению, так сказать, национального по форме социализма с гуманным лицом. С. В. Чешко, уделивший большое внимание критике теоретических построений названных авторов, недостаточно определился в этом отношении и был уязвлен Л. С. Перепелкиным как «сторонник жесткого централизма, опирающегося на внеэкономические средства». Поэтому сразу же обещаю читателям четко определить не только свою позицию, но и позицию моих оппонентов, рассуждения которых, как, возможно, уже стали понимать читатели, не являются вполне «прогрессивными». Отмечу пока лишь излишнюю жесткость постановки ими вопроса по принципу «третьего не дано»; мне представляется более правильной позиция известного английского социолога Т. Шанина, который, рассматривая альтернативы нашего развития, не перестает утверждать, что «иное всегда дано»⁵. В данном случае это «иное» включает, к сожалению, и возможный путь к местному полуфашизму. А теперь перехожу к теории.

Вопрос о соотношении этноса и экономики, этнической и экономической общностей имеет довольно длительную историю и впервые был поднят в советской науке в середине 1960-х годов, когда развернулась дискуссия вокруг известного сталинского определения нации на основе четырех обязательных признаков, включая признак «общности экономической жизни нации». В ходе этой дискуссии одни авторы считали его важнейшим признаком нации, качественной гранью, отделяющей нацию от «народности» с присущими той якобы лишь «территориальными», а не «экономическими» связями, другие, в том числе и автор этих строк, отвергали обязательность, да и уместность, такого признака. Не стану упрекать Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана только за то, что они, возможно, сами того не подозревая, разделяют сталинское представление о нации; в конце концов, ведь и в работах Сталина было немало правильных положений. Впрочем, в их рассуждениях фигурируют не нации, а все виды этносов⁶, а это делает их позицию еще более уязвимой.

Говорить о том, что этническое воспроизводство должно опираться на материальное воспроизводство, на экономику, т. е. что люди, входящие в этнос, должны питаться, одеваться, иметь жилище и т. п., это значит действительно прибегать к трюизмам; Л. С. Перепелкину и О. И. Шкаратану следовало бы самим заметить, что то же самое относится к воспроизводству любых других группировок и общностей людей, будь то региональная, конфессиональная или государственная. Встает, однако, вопрос: какая же именно группировка или общность людей наиболее тесно сопряжена с экономикой, с экономической общностью, формирующейся, как известно, на основе классово-профессионального и территориального разделения труда? Уважаемые авторы считают, что таковой является этнос, а в действительности ею является *государство*. Некоторые черты хозяйственной общности проступают, правда, у племени, являющегося одновременно и потестарной общностью, но показательно, что Ф. Энгельс, рассмотрев с материалистических позиций ранние этапы истории человеческого общества, обратил внимание только на переход от племени к государству, а не к какому-то другому типу этнической общности (скажем, «народности»). Именно государство с его территориально-административной организацией всей социально-экономической жизни, вводя свою денежную систему, налоги и таможенные границы, формирует политико-экономическую целостность. Классическая «экономическая» общность исторически складывалась в виде единого капиталистического рынка не внутри этносов, а внутри государств.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что между этнической и экономической общностью вообще нет никаких связей. Такие связи, конечно, есть, они проявляются, например, в отмеченной В. И. Лениным важности общего языка для сложения экономических (рыночных) связей⁷. Речь идет

о том, что эти общности могут совпадать, но могут и не совпадать, так как связь между ними имеет опосредованный характер и проявляется главным образом через государственную общность. В случае возникновения национально-однородных государств все эти общности действительно совпадают, усиливая друг друга. Более того, нельзя не признать, что на ранней стадии развития капитализма наиболее типичной была тенденция к созданию именно национальных государств, к формированию национально-государственных экономических общностей. Но, во-первых, однородных в национальном (этническом) отношении государств было немного, чаще в «национальных» государствах вроде Испании и Франции имелись значительные группы этнических меньшинств и даже более или менее самостоятельные этносы. А во-вторых, такая тенденция, как, по моему мнению правильно, установил В. И. Ленин, была исторически переходящей. «Развивающийся капитализм,— указывал он,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁸.

В многонациональных государствах, одним из которых была Россия (а именно происходившие в ней национальные процессы заслуживают особого внимания), тенденция к созданию национальных государств, т. е. к национальной сепарации, вплоть до начала XX в. не получила повсеместного развития и, во всяком случае, явно уступала второй тенденции — к межнациональной интеграции. Этому способствовало усилившееся территориальное смешение национальностей, особенно в городах, этнический состав которых часто сильно отличался от состава окружавшего их населения, как, например, у русско-еврейской Одессы на юге Украины или польско-еврейского Вильно (Вильнюса) на юго-западе Литвы. В. И. Ленин писал: «Национальный состав населения *один* из важнейших экономических факторов, но не *единственный* и не *важнейший* среди других. Города, например, играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д.— отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»⁹. И в другом месте: «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций»¹⁰. Только полностью оторвавшись от реалий, можно говорить о том, что в России того времени существовали особые экономические общности у русских, украинцев, татар или, скажем, казахов.

Следует особо отметить мысль В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции межнационального сближения и интеграции. «Вся хозяйственная, духовная и политическая жизнь человечества,— указывал он,— все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»; «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями...»¹². Поэтому, признавая важность включения в программу партии тезиса о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и сравнивая его с демократическим правом каждого из супругов на развод (которое отнюдь не является призывом к разводам), В. И. Ленин по существу вплоть до 1917 г. был открытым против-

ником федеративного устройства России, указывал на преимущества большого централизованного государства по сравнению с множеством мелких государств.

Чем могло быть вызвано изменение этих взглядов В. И. Ленина и чем был обусловлен взятый Советской властью с 1917 г. курс на создание национальных республик, а также позитивные и некоторые негативные последствия этого курса, я изложил в предыдущих публикациях по национальному вопросу в СССР, к которым и адресую интересующихся¹³. Здесь отмечу лишь, что в ходе национального строительства, проходившего главным образом в тяжелые годы гражданской войны, да и после нее, из-за сильного территориального смещения национальностей было очень трудно, а порой и невозможно основывать размежевание республик на признаке национального состава тех или иных районов. Зачастую этот признак отступал на второй план перед экономической целесообразностью, просьбами национальностей об усилении экономического потенциала соответствующих образований или какими-то другими обстоятельствами, которые сейчас трудно даже установить.

Так или иначе, состав населения всех возникших союзных и автономных республик стал многонациональным, причем в ряде случаев (особенно в автономных) «титულიная» национальность составляла меньшинство жителей. Внутри таких республик по мере развития их инфраструктуры и административно-хозяйственного управления появились некоторые признаки экономических общностей. Но эти общности охватывали все живущие в них национальности, а по своему хозяйственному значению намного уступали общесоюзной экономической общности. Никто, кажется, не пытался отнести, например, Донбасс только к экономической общности Украинской ССР, а Караганду — к экономической общности Казахской ССР. Трудовые ресурсы довольно свободно переливались в случае экономических потребностей из одного национального региона в другой, и территориальное смещение национальностей в СССР росло. Широко распространение русского языка, обслуживающего централизованное народное хозяйство, особенно сферу промышленности, науки и техники. В принятой на XXII съезде КПСС Программе партии было не без оснований сказано, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение...»¹⁴.

Возвращаясь к рассуждениям Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана, должен сказать, что их глобальные выводы о преобладающей тенденции к развитию экономики в ее национальных (этнических) формах и о том, что специализация «национальных экономических комплексов» — «непременное условие экономического прогресса», не имеют опоры в реальности. Ссылка на учебник политэкономии вряд ли кого удовлетворит, тем более что экономисты часто отождествляют «нацию» с «государством» (например, «национальный доход», «национализация земли» и пр.). Мне трудно усмотреть прогресс в том, например, что Эстония, а тем более эстонцы, будут специализироваться, скажем, на радиоэлектронике, пошиве модной одежды и ловле балтийской кильки, а Узбекистан, а тем более узбеки, — на выращивании хлопка и разведении овец. Во-первых, «эстонская» специализация не является оригинальной и во многом повторяется, например, у латышей, а во-вторых, узбеки, хотя и не могут ловить балтийскую кильку, но могут в принципе заниматься радиоэлектроникой не хуже, чем это делают малайцы. Именно в этом, а не в консервации монокультуры хлопка и будет состоять их экономический прогресс.

Нетрудно заметить также, что глобальные выводы уважаемых авторов сильно отличаются от установленной В. И. Лениным преходящей роли тенденции к национально-государственному оформлению экономики. Сейчас уже не опасно критиковать В. И. Ленина, но в данном случае его положения не критикуются, а просто не упоминаются. Надеюсь, что авторы знают ленинскую теорию национального вопроса, достаточно отраженную, например, в работах по исследованию этнических процессов¹⁵, а потому предполагаю, что они просто не наш-

ли против нее достаточных аргументов. Пример Бельгии, где в начале 1970-х годов были административно выделены валлонская и фламандская зоны, а также округ Брюсселя, представляется, как заметил и С. В. Чешко, явно недостаточным, особенно по сравнению с внушительным процессом интеграции большинства стран Западной Европы, в том числе и Бельгии, в единую экономико-политическую общность, как по существу и предсказывал В. И. Ленин. Происходящая на фоне этой интеграции, пусть даже временная, экономическая и политическая дезинтеграция Советского Союза выглядит не «закономерностью», а каким-то анахронизмом, чуть ли не «феодализацией».

Здесь мне приходится сделать оговорку, так как прямое сопоставление процессов, протекающих в СССР (и некоторых других странах «социалистической» в недавнем прошлом ориентации), с процессами в капиталистическом мире представляется мне не вполне корректным из-за существенной разницы в организации их хозяйства, основанной в первом случае на преобладающей государственной собственности на основные средства производства, а во втором — на частной собственности. Если при частной собственности государство может регулировать развитие экономики главным образом косвенными средствами, в основном налоговой политикой, причем промышленные и иные предприятия и концерны могут свободно интегрироваться как в границах данного государства, так и вне его, то при государственной собственности экономика подчиняется централизованному управлению. Более корректно сопоставление дореволюционной России с такими полиэтническими странами Европы, как Испания и Франция, в которых основные национальности (испанцы и французы) так же, как в России русские, занимали центральные области, а другие этносы — окраинные области. В ходе такого сопоставления можно было бы и гадать о том, как могли бы развиваться экономические и национальные процессы в России, если бы она после февральской революции 1917 г. пошла по буржуазно-демократическому пути развития. После Октябрьской революции, приведшей к обобществлению (а точнее, огосударствлению) основных средств производства, такие сравнения становятся условными, как, скажем, сравнение процессов, происходящих внутри паровоза и внутри автомобиля; здесь более важно сопоставление результатов этих процессов.

Сложение и укрепление в Советском Союзе единого народнохозяйственного комплекса с централизованным планированием и управлением, что считалось основным преимуществом социалистического производства над капиталистическим, имело, надо признать, свои позитивные стороны; это позволяло, например, быстро концентрировать силы и средства на важнейших направлениях экономического развития, особенно при создании тяжелой промышленности. Тот факт, что в Советском Союзе эти преимущества не были полностью реализованы, еще не свидетельствует о какой-то якобы изначальной порочности концепции централизованного планирования и управления производством или о чрезмерной сложности такой задачи применительно к разветвленному производству в такой огромной стране, как СССР. Конечно, только за последние десятилетия народное хозяйство Советского Союза во многом усложнилось, но ведь и возможность умного централизованного управления его основными частями благодаря развитию компьютеров и систем АСУ намного возросла.

Основная беда советской экономики заключалась не столько в самой идее централизованного планирования и управления производством, сколько в идущем еще от работ К. Маркса недоучете сложностей «человеческого фактора», принципа личной заинтересованности как производителей, так и управленцев в эффективности их труда. Недостаточная заинтересованность производителей объясняется тем, что государство изымало у них в свое распоряжение свыше $\frac{3}{4}$ произведенной стоимости, управленцев — во всех их ипостасях — тем, что оплата их труда велась главным образом на основе централизованно фиксированных и опять-таки сильно урезанных ставок, по существу не зависящих от конечных результатов труда. Рост личного благосостояния сверх каког-

то уровня считался зазорным и подозрительным. Даже высшие государственные и партийные деятели — чиновники, обеспеченные в материальном отношении намного выше среднего уровня, старались скрыть свои доходы. Призывая других к экономии, они могли буквально одним росчерком пера, в нарушение прежних планов, бросать миллиарды рублей на расточительную гонку вооружений, дорогостоящие проекты вроде БАМа и на помощь зарубежным просоветским режимам. Уже из этого краткого экскурса в проблематику «социалистической», как ее называли, экономики понятно, что ее кардинальная перестройка требовала прежде всего приватизации собственности, а не раздробления прежде единого народнохозяйственного комплекса на его национально-республиканские части. Об этом достаточно свидетельствует и тот факт, что в сравнительно небольшой и сравнительно однородной в национальном отношении Болгарии, например, обладающей государственным суверенитетом, перестройка по аналогичной модели протекает не менее трудно, чем в СССР.

Речь в данном случае опять-таки идет о приоритетах, а не об отрицании реальной роли национальных факторов, особенно применительно к СССР, где национальный вопрос был решен во многом лишь на словах. Основные цели демократической национальной политики — достижение фактического равноправия всех народов (национальностей) и всех граждан страны, вне зависимости от их этнической (национальной) принадлежности — не были, да по сути дела и не могли быть достигнуты. В ходе национального строительства в стране возникла и затем была зафиксирована в Конституции иерархическая структура национально-территориальных образований и стоящих за ними национальностей. Высшее место в этой структуре заняли 15 ныне существующих союзных республик и 14 «титულных» наций, кроме русских, которые не были «титулной» нацией и не пользовались привилегиями, как, кстати сказать, в прошлом они не пользовались правами «имперской» нации. По существу, только этим нациям и было предоставлено формальное право на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. Союзные республики получали большие (чем автономии) возможности для социально-экономического и культурного развития за счет более значительной доли отчислений в их бюджет, за счет наличия своего Верховного Совета и Совета Министров, своей Академии наук (в РСФСР таковой не было) и других учреждений с престижными и хорошо оплачиваемыми должностями. Но эти возможности предназначались прежде всего «титулным» нациям. Автономным республикам и соответствующим им «титулным» нациям предоставлялись меньшие права, национальностям автономных областей и округов — еще меньшие.

При такой иерархии прав и возможностей в более благоприятном положении оказывались сравнительно небольшие «титулные» нации союзных республик, в частности эстонцы. Попытка Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана показать, что эстонцы и должны иметь больше прав и возможностей для поддержания своего этнического бытия по сравнению с превосходящими их по численности русскими жителями Нижегородской области на том основании, что Эстония — это «этническая целостность», а Нижегородская область — всего лишь «часть России», полагаю, мало кого удовлетворила. В подлинно демократическом обществе возможности социально-экономического и культурного обеспечения должны равномерно распределяться между всеми гражданами. То, что уважаемые авторы считают «справедливым» по отношению к русским жителям Нижегородской области, относится ведь ко всем русским областям как «частям России», а в результате в жизни и получилось, что русский этнос в целом оказался обделенным возможностями для поддержания своего этнокультурного бытия¹⁶.

Национальное неравенство, обусловленное иерархией национально-территориальных образований, было усилено санкционированной практикой предоставления «титулным» национальностям различных привилегий перед ино-

национальными группами, прежде всего в области «кадровой политики» при продвижении на престижные и доходные места не столько в зависимости от деловых качеств, сколько по признаку национальной принадлежности. Этой кадровой политике стала служить и введенная в начале 1930-х годов паспортная система и служебные анкеты с графой «национальность». Такая практика нарушала здоровую деловую конкуренцию и тормозила прогресс как в науке и технике, так и в экономике, а также в других сферах жизни республик, но вполне устраивала элиту «титовых» наций. По моему мнению, именно угроза нарушения такой практики в результате развития в СССР процессов межнациональной интеграции, распространения русского языка, обслуживающего такую интеграцию, ослабления значения республиканских границ, и участвовавших призывов к ликвидации отметки о национальности в паспортах и служебных анкетах побудила эту элиту к активизации движений за национально-республиканскую сепарацию гораздо в большей степени, чем их кажущаяся забота о благе рядовых граждан. Однако принцип суверенности народов не должен сводиться к суверенности республиканской бюрократии.

В годы перестройки многие авторы, стремясь завоевать популярность, стали отождествлять массовость с демократизмом, хотя история знает множество случаев, когда громадные массы людей оказывались вовлеченными в движения, не являющиеся демократическими и прогрессивными; одним из недавних примеров служит «исламская революция» в Иране. Известно, правда, что история учит лишь то, что она никого ничему не учит; каждое поколение учится в основном на своем опыте и своих ошибках, но, по словам Бориса Годунова у Пушкина: «...наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни». А потому мне представляется уместным и целесообразным напомнить страшную историю гитлеровского национал-социализма (нацизма), которому за несколько лет удалось превратить подавляющее большинство немцев, многие из которых до того разделяли интернациональные установки социал-демократов и коммунистов, в базу для оголтелого воинства, стремившегося поработить или уничтожить многие народы Европы и Советского Союза. Идеология и практика национал-социализма были в прошлом в советской науке, а тем более в публицистике, сильно огрублены и отчасти искажены, так как многое в них, по крайней мере «внешне», было сходно со сталинизмом; затем эта тематика была почти совсем забыта, и даже термин «нацизм» обычно заменялся «фашизмом», хотя последний больше относится к идеям Муссолини. Должен сказать поэтому, что «бесноватый фюрер», как его было принято именовать в нашей литературе, отнюдь не был сумасшедшим и завоевал свою популярность путем сочетания некоторых привлекательных идей социализма (в частности, о «социальной справедливости») с идеями национализма и шовинизма, опирающимися на широко распространенную национальную парадигму (с лозунгом «Германия — для немцев»), на идею о естественных и «законных» преимуществах своей немецкой нации и всех людей, принадлежащих к этой нации («расе»), в том числе и проживающих за пределами Германии. Основное отличие идей гитлеризма от марксизма-ленинизма, выступавшего за «интернациональный социализм», заключалось в том, что национальное выдвигалось на приоритетное место по сравнению с социально-классовым.

На развалинах «третьего рейха» немцы стали избавляться от угара национал-социализма. Не берусь судить о сложной эволюции сознания восточных немцев, оказавшихся в сталинском «социалистическом лагере», но к подавляющему большинству западногерманских немцев явно пришло покаяние и прозрение с убежденностью в том, что национализм-шовинизм несовместим с демократией и прогрессом. Полагаю, что это прозрение проступает и в принятом в ФРГ специальном законе, запрещающем выявление национальной принадлежности граждан страны. Более бдительной в этом отношении стала и общественность других европейских стран. В Великобритании и Франции это хорошо проявилось в негативном отношении к возникшим там профашист-

ским «национальным фронтам», лидеры которых твердят, что основной причиной слабого роста благосостояния их граждан является приток в эти страны сотен тысяч мигрантов из развивающихся стран, и, выдвигая лозунги «Англия — для англичан!» или «Франция — для французов», требуют выселения этих «пришельцев». Об этом свидетельствует незначительное число голосов, подаваемых за делегатов от «национальных фронтов» при выборах в законодательные и исполнительные органы.

А теперь постараюсь определить свою позицию по возможности более четко. Начну с того, что считал и считаю установленные В. И. Лениным закономерности исторической смены тенденции к национально-государственной сепарации тенденцией к межнациональной интеграции («интернационализации») реальными, проявившимися в прошлом и в России. К сожалению, Октябрьская революция 1917 г. не привела к построению подлинного социализма, экономически превосходящего капитализм и обеспечивающего, по В. И. Ленину, дальнейшее развитие процессов межнациональной интеграции. Наша страна свернула с магистрального пути развития остального человечества, что отразилось и в национальной сфере, так как процессы интеграции вступили в противоречие с процессами сепарации, условия для которых окрепли в результате создания национальных республик. Попытка Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана теоретически поддержать процессы, развернувшиеся в последние годы в Советском Союзе, доказывая преобладание до сих пор в глобальном масштабе тенденции к этнохозяйственной сепарации и ее «прогрессивность», представляется мне неудавшейся и во многом надуманной. Перестройка в СССР существенно отличается от классического перехода к раннему капитализму с присущей тому тенденцией к национально-государственной сепарации. В раздроблении Советского Союза на дюжину частных государств, в его, как говорят, «балканизации», исторически прогрессивного очень мало. И если кому-то удастся подвести под этот процесс действительно теоретическую историко-материалистическую базу, то такая теория будет, вероятно, специфически локальной, а не «глобальной».

Признавая прогрессивность межнациональной интеграции, я вместе с тем признаю и демократическое право каждого народа на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства или присоединения к другому, чем-то близкому ему государству (или к другой республике). В Советском Союзе правом полной сепарации должны обладать не только часто упоминавшиеся выше эстонцы и другие «титulyные» нации союзных республик, но и другие народы (национальности) страны, которые сравнительно компактно заселяют определенную территорию и по своей материальной базе (численность этноса, естественные ресурсы, развитие экономической инфраструктуры и пр.) действительно способны к самостоятельному существованию и развитию в современных условиях жизни. Многие советские этносы, например малочисленные народности Севера, не отвечают таким условиям; недавнее преобразование Чукотского автономного округа в более суверенную Чукотскую АССР, где чукчи составляют лишь около 10% жителей, следует рассматривать более в смысле укрепления регионального хозрасчета, чем в этнически-хозрасчетном и этнополитическом плане.

Развернувшиеся движения за достижение большей суверенности республик, в том числе и особенно за выход из Советского Союза, сильно подогреваются идеями о возможных материальных выгодах за счет предполагаемого ускорения экономической перестройки, уменьшения отчислений в союзный бюджет, установления самостоятельных связей с зарубежными странами и получения от них выручки или займов в твердой валюте и т. п. Очень популярны такие идеи в республиках с богатыми естественными ресурсами, будь то лес в Карелии, нефть в Татарии и Башкирии или алмазы в Якутии; не случайно, что именно эти республики поспешили сменить статус «автономных» на более суверенный статус «союзных». Подобные идеи экономической (хозрасчетной) самостоятель-

ности возникают и в некоторых областях, например Кемеровской, Сахалинской и др., поэтому подкреплять это стремление к выгоде какой-то «теорией» о закономерной якобы этнической сегрегации опять-таки нет смысла.

Вопрос о полном политическом отделении должен решаться демократическим путем всеобщего референдума, причем очень желательно, чтобы такое решение принималось не на основе взвинченных «антиимперских» эмоций, а на основе разума, с представлением о балансе хотя бы основных возможных приобретений и потерь в результате того или иного решения. Следует учесть возможность использования материальных выгод сепарации главным образом для повышения благосостояния республиканской номенклатурной элиты и управленческой бюрократии, неизбежно возрастающей в случае такой сепарации, а также в интересах дельцов теневой экономики. Основные успехи экономической перестройки видятся мне, как уже отмечалось выше, в расширении приватизации и введении рыночных отношений, а эти мероприятия, как показали трудности перестройки в бывших «социалистических» самостоятельных странах, не так уж облегчаются суверенитетом.

Основной проблемой решения национального вопроса в условиях СССР является изначальное и со временем усилившееся несовпадение этнических и республиканских границ. Представляя Эстонию как «этническую целостность», Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан явно игнорировали тот факт, что эстонцы составляли по переписи 1989 г. в республике лишь немногим более 60% всех жителей, в том числе в Таллинне — около половины горожан, а в прилегающих к РСФСР Кохтла-Ярвинском и Нарвском районах — незначительное меньшинство; в таком случае Российскую Федерацию, где русские составляют свыше 80% жителей, следовало бы считать еще большей «этнической целостностью», чем она в действительности не является. Латыши, также стремящиеся к сепарации, составляют в Латвии лишь немногим более половины всех жителей; казахи в Казахстане — около 40%, причем в ряде областей, граничащих с РСФСР (Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и др.), — явное меньшинство; якуты в своей, теперь уже «союзной» республике — менее 35% жителей; абхазы в Абхазской АССР — около 17% (грузины — свыше 45%) жителей и т. д.

Многие катаклизмы межнациональных отношений уходят своими корнями в прошлое, но за годы перестройки они настолько расширились, что теперь большинству здравомыслящих людей должно быть ясно, что эта перестройка должна была с самого начала включить в свою программу решение национального вопроса, в том числе и перестройку национально-государственного строительства, проведенного когда-то наспех в огне гражданской войны и в пылу идей о близкой, казалось, мировой революции. В целях обстоятельного решения национального вопроса в СССР было необходимо предпринять самые решительные действия для устранения фактического национального неравенства, и если нельзя было сразу ликвидировать иерархическую структуру национально-территориальных образований, то следовало бы привести их границы в большее соответствие с этническими. Возможные при этом споры о том, кто является «коренным» жителем, а кто — «пришлым», не имеющим права претендовать на тот или иной район, как хорошо показал спор азербайджанских и армянских ученых из-за исконно этнической принадлежности районов Нагорного Карабаха, вряд ли выявляют «истину», поэтому было бы разумно основываться на демократическом принципе большинства, выявляемом в спорных случаях путем референдума. Уместно напомнить в связи с этим пример самоопределения ирландцев, которые претендовали на всю территорию острова, но затем признали демократичность выделения его северной части (Ольстера), где ирландцы составляли меньшинство, в особую единицу, оставшуюся в составе Великобритании. Это не решило ольстерский вопрос, но существенно смягчило его.

Подлинно демократическое решение национального вопроса заключается не столько в том, чтобы определить территорию, в пределах которой та или иная

национальность может считать себя «хозяйкой», сколько в том, чтобы не допустить превращения такого чувства собственности в националистическую основу угнетения проживающих на этой территории групп этнических меньшинств. Гражданские права у национальных меньшинств должны быть равны правам «титულიной» нации, а их языково-культурное развитие должно быть обеспечено путем предоставления таким группам национально-культурной, а в местах компактного проживания, по их просьбе, и национально-территориальной автономии, как того хотят, например, гагаузы в Молдове. В условиях уже отмеченной выше сильной неоднородности национального состава жителей большинства республик лозунги типа «Эстония—для эстонцев!», «Грузия — для грузин!», «Молдова — для молдаван!» и «Абхазия — для абхазов!», а также призывы предоставить «титульным» национальностям львиную долю бюджетных отчислений для укрепления и развития своей языково-культурной специфики представляются неразумными и опасными как крайне националистическое и шовинистическое выражение этнической парадигмы. Размеры «титульного» этноса при этом не имеют значения. Если абхазы, составляющие менее 17% жителей Абхазии, станут действительно забирать в свою пользу хотя бы 30% всех бюджетных республиканских отчислений на развитие культуры, то при всей симпатии к ним это придется квалифицировать как эксплуатацию местных грузин и других инонациональных групп республики.

И еще одно. Этническая парадигма ведет к идее о том, что высшей ценностью является этнос, малой частицей которого (своего рода этническим «винтиком») является человек; национализм возвышает эту идею путем превознесения «своей» нации над другими, но человек и в нем выступает не как самоценная личность, но как слуга нации. Между тем высшей ценностью (как, наконец, отмечено хотя бы в проекте Конституции РСФСР) является человек, его жизнь и свобода, его «естественные и неотчуждаемые права» (здесь следовало бы добавить: «независимо от его национальной принадлежности»). Полное решение национального вопроса заключается в достижении подлинного равноправия людей всех национальностей; в нашем случае — живущих в пределах советского государства. Важной компонентой такой политики национального равноправия должна быть отмена отметки о «национальности» в паспортах и служебных анкетах при сохранении, разумеется, учета национальной принадлежности в переписях населения и в специальных обследованиях.

К сожалению, ничего в русле такой политики сделано не было. Более того, в самых верхних эшелонах власти было заявлено, что «перестройка — не перекройка», что национальные республики суверенны и что они должны стремиться к региональному хозрасчету и экономической самостоятельности. Было допущено резкое ослабление пропаганды интернационализма, составлявшего основу марксистско-ленинской идеологии и удерживавшего единство Советского Союза не в меньшей степени, чем репрессии против националистов. Иногда создавалось впечатление, что верховные власти как бы потворствовали развалу Советского Союза и обострению национальных отношений. Трудно установить, было ли это просто недомыслием или расчетом на то, что, только потворствуя местному национализму и связанным с ним национальным конфликтам, Центр может сохранить свое значение хотя бы в роли своего рода пожарной команды. Республиканским же лидерам показалось выгодным поддержать пропаганду национализма для завоевания там популярности и для усиления сепаратистских тенденций, хотя реально выдвигание на первый план национальных идей, как это почти всегда бывает, сильно осложнило весь намеченный ими ход политических и социально-экономических преобразований.

До недавнего времени почти во всех республиках страны национальные отношения продолжали ухудшаться, причем страдательной стороной в них чаще всего оказываются русские (или — шире — русскоязычные) группы. Активисты различных «народных фронтов», подобно зарубежным «национальным фронтам», подменяют социально-экономическую проблематику национальной

и обвиняют почти во всех республиканских бедах русских «пришельцев»; в республиках Прибалтики и Молдове их по существу открыто называют «оккупантами», в республиках Средней Азии — «колонизаторами» и т. п., хотя основная масса их является простыми тружениками, и вытеснение их ослабит народное хозяйство республик. Получение такими республиками полного политического суверенитета может привести к усилению внутри них национального (языково-культурного) угнетения, поэтому русскоязычные группы пытаются противостоять сепаратизму и там, где они расселены компактно, создать свои автономии, которые при выходе таких республик из СССР могли бы остаться в его составе.

К чему приводит национальная политика центральных и республиканских властей, видно на примере событий в Молдове, где право на самоопределение молдаване относят только к себе и где в ответ на принятые в республике дискриминационные законы, на повседневные оскорбления, угрозы и нападения, а также на стремление молдавских националистов выйти из Советского Союза и присоединиться к Румынии русскоязычные группы, численно преобладающие в районах левобережья Днестра, решили создать свою автономию. В Верховном Совете Молдовы эти группы были объявлены «врагами молдавского народа» и против них были брошены отряды милиции, вооруженные автоматами и «черемухой», а также сформированные решением Верховного Совета отряды «добровольцев» (вроде штурмовиков). Произошла схватка, появились убитые и раненые, а после этого центральное руководство, подтвердив суверенитет Молдовы и правомочность решений ее Верховного Совета, призвало конфликтующие стороны вести переговоры, которые (как и «переговоры» по ИКАО) вряд ли что дадут. Начавшийся конфликт имеет тенденцию к новому обострению.

Иные действия предпринял Центр (и в этом противоречивость его национальной политики) в республиках Прибалтики, правительства которых решительно требовали полного суверенитета: здесь он решил опереться на противящиеся сепаратизму инонациональные (преимущественно русскоязычные) группы. Наиболее драматичными были события в Вильнюсе, где 13 января 1991 г. армейское подразделение с танками предприняло штурм телецентра, откуда якобы велась антирусская и антисоветская пропаганда; результатом этого была гибель 13 литовцев, в том числе одной женщины, а также еще большее национальное сплочение литовцев и еще большее обострение их отношений с русскими.

Вполне присоединяясь к тем, кто осудил использование армейского подразделения против граждан Вильнюса, должен сказать, что в принципе разум не должен отступать перед эмоциями. Полагаю, что решительное использование армии против озверевших толп во время киргизо-узбекских столкновений в Ошской области, где погибло несколько сот человек, в том числе старики, женщины и дети, было бы достаточно оправданным; в конце концов, демократия не должна быть, так сказать, беззубой. Беда состоит в том, что о защите демократии говорят и в целом законно избранные республиканские правительства (здесь я должен отметить непропорционально низкий процент русских депутатов) и в целом законно избранный Верховный Совет и правительство СССР (здесь также были некоторые избирательные манипуляции). И я не вполне уверен в том, что признание приоритета республиканских законов и особенно тех, в которых есть дискриминация национальных меньшинств, является более демократичным, чем признание союзных законов и Конституции СССР.

Мне пришлось обойти вниманием армяно-азербайджанский и грузинско-осетинский конфликты, гораздо более кровопролитные, чем в Молдове и Литве и более показательные в смысле опасности перехода национализма в геноцид. Это сделано как из-за ограниченных рамок данной статьи, так и потому, что они слабее затрагивают «русский вопрос», а между тем именно положение 145-миллионного русского народа определяло и во многом будет определять

судьбу всего Советского Союза. Очень многое при этом зависит от развития русского национализма. Конечно, широко расселенным русским намного труднее сплотиться, чем например эстонцам или молдаванам, у них нет широкой организации и признанных лидеров, а потому рост их национальных чувств идет довольно медленно. Но этот процесс в условиях повсеместного обострения межнациональных отношений идет, да и не может не идти, и притеснения русских в национальных республиках могут ускорить его. Республиканским националистам следует понять, что продолжать такую политику столь же опасно, образно говоря, как тыкать палкой полусонного медведя. Кроме того, рост русского национализма может быть использован и консервативными силами Центра, а тогда общий прогресс советского общества, вероятно, будет осложнен и нарушен.

В данной статье я старался показать сложность и противоречивость национальных процессов, происходящих в Советском Союзе, обратив внимание главным образом на их связь с экономикой, оттенив лишь основные из почти незамеченных другими авторами проблем. Поэтому мне не очень хочется завершать ее, подобно Л. С. Перепелкину и О. И. Шкартану, призывом к своим оппонентам и читателям строго определиться с кем они по принципу «или — или», например: «или с интернационалистами-демократами», «или с национал-сепаратистами и профашистами». Социальная жизнь намного сложнее, чем представляется даже тем, кто считает себя «специалистом» (социологом, этнографом или этнологом, экономистом и т. п.). И «иное» в ней действительно почти всегда дано.

II примечания

¹ Ссылки на дискуссию даются в тексте статьи.

² Мне приходится сделать эту оговорку, так как сам С. А. Арутюнов свою позицию четко не определил, а в некоторых его рассуждениях не хватает логики. «Весь исторический процесс,— пишет, например, он,— начиная с распада первобытнообщинного строя, представлял собой до определенного момента нарастающее „делеги́рование“ власти снизу вверх, или, точнее, узурпирование ее верхами» (указ. раб., с. 21). Так как узурпирование или захват власти с распространением ее сверху вниз противоположно «делеги́рованию» власти снизу вверх, то понять глобальный вывод С. А. Арутюнова очень трудно.

³ См. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Сов. этнография. 1970. № 6.

⁴ Подробнее см.: Козлов В. И. Национальный вопрос: парадигмы, теория, практика // История СССР. 1990. № 1.

См., например, Шанин Т. Иное всегда дано // Знание — сила. 1990. № 9.

⁶ Отмечу, что аналогичных взглядов придерживался А. Г. Агаев, который утверждал, что «экономика является бесспорным этническим признаком всякого народа». См.: Агаев А. Г. Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967. № 7.

⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 319.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 36.

¹³ См. Козлов В. И. Национальный вопрос и пути его решения // Сов. этнография. 1989. № 1; *его же*. Национальный вопрос: парадигмы, теория, практика.

¹⁴ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 405.

¹⁵ См., например: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. Гл. 1.

¹⁶ О культурной и духовной деградации русского народа в последнее время много говорится в публицистике, но мало в научных публикациях, хотя этот вопрос заслуживает самого пристального внимания. Здесь отмечу лишь, что широкое распространение русского языка в качестве основного языка межнационального общения и в качестве базы для русскоязычной «советской» (но не «русской») культуры, а также языковая ассимиляция некоторых ранее нерусскоязычных групп скорее усложняли этнокультурное бытие русских, нежели благоприятствовали ему. Примерно так же всемирное распространение английского языка и англоязычной американской культуры не способствует этнокультурному бытию англичан. См. также: Козлов В. И. «Имперская» нация или ущемленная национальность // Москва. 1991. № 1.